

Шедяков В.Е.

Ценностно-смысловые комплексы и мифологизация действительности: роль в информационном воздействии

В статье характеризуются постсовременные возможности мифологизации общественных процессов как направления информационного воздействия. Демонстрируется связь ценностно-смысловых аспектов освоения действительности (как позитивного, так и негативного) средствами мифа и постсовременных трансформаций. Анализируются особенности практик осуществления информационного воздействия.

Ключевые слова: ценностно-смысловой комплекс, миф, информационное воздействие.

лових аспектів освоєння дійсності (як позитивного, так і негативного) засобами міфу і постсучасних трансформацій. Аналізуються особливості практик здійснення інформаційного впливу.

Ключові слова: ціннісно-смысловий комплекс, міф, інформаційний вплив.

Possibilities of mythologizing of postmodern social processes as a direction of information influence are characterized. Connection between value-sense aspects of the understanding of reality (both positive and negative) by means of the myth and postmodern transformations is demonstrated. Peculiarities of the practices of informational influence are analysed.

Key words: value-sense complex, myth, information influence.

УДК 1.000.165.6

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

У статті характеризуються постсучасні можливості міфологізації суспільних процесів як напряму інформаційного впливу. Демонструється зв'язок ціннісно-смы-

Склонность политического сознания к мифологизации действительности позволяет актуализировать пласты коллективного бессознательного и, акцентируя эмоциональные аспекты восприятия, обходить аргументы критицизма и предоставлять рациональным уровням интерпретации возможность логического обоснования предопределяемого выбора. В данном контексте опора на сакральный миф и базовые ценностно-смысловые комплексы – мощнейшее средство трансформации как общественной идеологии, так и психологии, коррекции восприятия политической повседневности. Информационный взрыв усилил возможности социокультурного уровня реализации информационных ресурсных баз.

Теоретико-методологические базы статьи состоят из трудов специалистов, во-первых, в сфере культуры и ценностей, во-вторых, мифологии как фактора социально-политической жизни, в-третьих, информационных воздействий. Их изучение проводится сквозь призму постсовременных трансформаций культуры и процессов становления умного общества. В частности, З. Бжезинский, Э. Бернейз, С. Бухарин и В. Цыганов, Т. Вивльгельм, Н. Волковский, С. Гриняев, В. Донсбах, С. Каннингем, С. Кара-Мурза, Х. Кепплингер, У. Куастхофф, М. Кунцик, В. Липпман, Э. Люттвак, Р. Мак-Чесни, Дж. Най, И. Панарин, А. Понсонби, Д. Ронфельдт, В. Фаркаш, Дж. Шарп, А. Эдмюллер и другие исследуют рост возможностей информационного воздействия, ресурсных баз пропаганды в арсенале не прямых действий гибкой силы, мягкой власти, применения механизмов распространения политических ценностей средствами разноцветного бархата. Так, в соответствии с традициями Э. Дюркгейма и В. Парето, наиболее серьезной социально-политической проблемой общества

может стать аномия как разрушение его ценностных опор и нравственных авторитетов. Политический вес ценностно-смысловых комплексов изучается на базе подходов Платона, Аристотеля, И. Канта, В. Франкла, а также А. Абишевой, С. Арутюнова, О. Балакиревой, Ю. Борисовой, В. Брожика, Э. Володина, А. Гусейнова, Г. Выжлецова, Б. Додонова, О. Дробницкого, А. Здравомыслова, А. Коршунова, Е. Подольской, Л. Розина, А. Ручки, В. Тугаринова, Ю. Шайгородского, В. Шилова, В. Ядова. Роль мифа в восприятии и интерпретации культуры исследуется на основе школ Р. Барта, К. Богданова, Л. Воеводиной, В. Вундта, Ж. Дави, Э. Ильенкова, Дж. Кемпбелла, Ж. Лакана, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, А. Лосева, Ю. Лотмана, В. Межуева, М. Мосса, Ж. Сореля, Дж. Фрезера, Э. Фромма, М. Хевеши, З. Цораева, М. Фуко, У. Эко.

Исследовательская фиксация взаимодействия ценностно-смысловых комплексов и мифотворчества в потоке информационного воздействия является задачей данного материала.

Могущество человеческой ойкумены не только достигло размеров, сравнимых с природой, но и позволяет влиять как на восприятие, так и на существование пространственно-временным континуумом. Меняется восприятие времени, в Традиции и Модерне включающее представления об определенной длительности, а пространства (природного и социального) – как характеризующегося стабильностью и устойчивостью. Виртуальные миры способны уже не просто воздействовать на реальность, управление киберпространством предоставляет решающее превосходство при разъяснении Настоящего, Прошлого и Будущего. Доминирование в информационной сфере доставляет возможность оперирования чужими ресурсными базами без несения ответственности за распоря-

жение ими. Феномен «текучей реальности» требует искать и выстраивать устойчивость в себе, своем внутреннем мире, духовном, душевном и интеллектуальном, вбирая при этом из разных эпох и систем близкие именно себе «строительные элементы» идеалов Истины, Добра и Красоты для обеспечения жизнеустройства и развития [1–5].

Сакральная коммуникация выступает мощным направлением общественных трансформаций. Привлечение мифологического восприятия и эмоциональной окраски позволяет обойти критичность мышления, выходя на уровни общественного сознания и коллективного бессознательного. При этом многозначность слов и символов, их использование то в бытовом, то в идейно-насыщенном ключе, чувство сопричасности («мистическое отождествление»), взаимосвязанность и нераздельность восприятия обеспечивают невосприятие оппонирования достойным внимания. Сакральность, в частности, предполагает апелляцию к фактам высшей нравственно-идеологической природы, что делает невозможным в рамках данного мировоззрения контраргументацию [6–16]. Таким образом, вплетённость в логическую аргументацию символов и фрагментов, опирающихся на табуирование, сакральность и т. п. и включают манипулятивный ряд, и упрощают использование прочих техник социального и политического воздействия. Собственно, при помощи опоры на ведущие установки усиливаются механизмы самоубеждения и оценки любой информации (вплоть до полного отторжения).

Ценностно-смысловые комплексы фиксируют проявление общественного сознания в индивидуальном, потому формируют целостно-социокультурное представление о мире, интегрирующее рациональное и эмоциональное восприятие на социальном уровне информационного воздействия. Причём если утилитарно-прагматические ценности производны от способа производства непосредственно либо через структуры потребностей, то абсолютные ценности, ценности-идеалы влияют на жизнедеятельность как первичные. Соответственно, ценностно-смысловые комплексы складываются и реализуются на двух основных уровнях: мировоззренческом и функциональном, формируя, соответственно, подсистемы ценностно-мировоззренческих и ценностно-функциональных комплексов, которые отражают по преимуществу идеально-духовные и реально-бытовые срезы бытия. Существенно в данном контексте то, что значимая социокультурная специфичность может быть присуща не только вещному, но и рефлексивному сознанию и иметь основание в подсознании (что, в частности, повышает роль мифического уровня обеспечения информационных воздействий благодаря освещению содержания констант подсознания и

возможностям трансформации мировосприятия). Вместе с тем опора на ведущие системные символы позволяет не только закрепить информацию в подсознании человека, но и соответствующим образом окрасить её. Характер как стихийного, так и целенаправленного создания/распространения мифов крайне показателен для анализа уровня социокультурных полей в обществе: в частности, склонность к мифотворчеству демонстрирует потенциал манипулируемости и готовность к ней как отдельного человека, так и более крупных величин социальной структуры общества. К тому же каждый культурно-цивилизационный мир содержит пласты и агрессивного меньшинства, задающего вектор изменений, и пассивного меньшинства, трансформациям подвергаемого, и внутренних оппонентов любой конкретной динамики. Актуальное тело социокультурного поля предопределяет характер господствующих (фиксируемых в предметах внешней культуры) мифов исторической эпохи.

В частности, взаимоналожение политических черт формирования постсовременности и умного общества особенно способствует развитию таких сторон освоения действительности при помощи модели мифа, которые связаны с его синкретностью, взаимной вплавленностью эмоционального и рационального. В свою очередь, это создает нужную установку, перестраивает под себя все другие сведения и закрепляет нужным образом их интерпретацию. Таким образом, в умной толпе с активным присутствием неосознанных мотивов выбора и принятия решений формируются неомифы, усиливается вторичное, третичное и т. д. (надпервичное) мифотворчество, на основе эмансипации инстинктов и расчеловечивания жизни укрепляя «информационный якорь» и «информационную установку» восприятия и реакции. Соответственно, подчиняясь доминантной установке, человек при этом сам встраивает в свое восприятие и свою жизнедеятельность необходимые фрагменты, домысливает то, чего не достает и интерпретирует происходящее. Люди, как правило, не видят того, чего не ожидают увидеть. Мерцание Весомость факта оценивается сквозь призму мировосприятия, он воспринимается в контексте внерациональных установок и неосознанных мотивов поведения. Факт мерцает, в нём высвечиваются лишь вписывающиеся в общую картину грани, так что могут быть заранее созданы и заложены мифокомплексы («социальные и индивидуальные автоматы»), предусматривающие стандартные решения объектов воздействия и способные изменять векторы желаний, их силу и направленность. В частности, может произойти отчуждение, фрустрация и дезориентация человека в ценностно-смысловом пространстве, чему может способствовать назревание противоречий под воздействием деградации морали и ревайва-

лизации культуры, расхождение между гедонистско-рационалистическим и духовно-нравственным измерениями жизни (вопреки классическому пониманию «разумного эгоизма» по тому же Н.Г. Чернышевскому), природной и культурно-исторической сторонами существования [17, с. 22; 18, с. 45]. Возникшее напряжение усиливает тенденции к радикальным формам индивидуального и социального бегства от свободы и ответственности [19–21].

Так, научно-интеллектуальная активность и технотронная мощь настоятельно требуют морально-нравственных ориентиров в социокультурных жизнедеятельности и структурировании, иначе станут и убийственными, и самоубийственными. Соответственно, вопросы информационной культуры и адекватной ей информационной инфраструктуры входят в число формируемых приоритетов [22–25]. Доверие – необходимый элемент здорового общественного механизма. Культурные параметры оказываются не «надстройкой» над материальным базисом, а его остовом, каркасом. В упоении техническим могуществом люди привыкают, что «сон разума рождает чудовищ». Однако ещё более опасные химеры могут инициироваться самим разумом, аморальным интеллектом.

Знание и духовность, опыт и способности не существуют в завершённом и явно выраженном виде. Будучи принципиально нецентрализуемы, избирательны и неравномерны, они рассеяны в обществе, неся отпечатки как нынешних носителей, так и их предшественников, и воплощены не столько в непосредственных фактах, сколько в укладе и традициях, навыках и интуиции, передаваясь при взаимодействии людей: отсюда и особая роль научных школ в их накоплении и развитии. И никто не может владеть всей их полнотой, ибо невозможно взглянуть на мир с позиций палитры всех взглядов, вобрать все оттенки восприятия и интерпретации. Направленный против морали разум рождает отрицательную нравственную силу, становится предвестником социального раскола, формирует «кентавров» с расколотым сознанием, ведет к неукоренённости и шаткости изменений. Напротив, ценности традиционной морали обеспечивают интеграцию интересов и динамику развития, отсюда и нравственность самого социогенеза. При этом примитивизация, упрощение культуры её обескровливают, ослабляют. А движение вспять означает и потерю субъектных качеств, и превращение в объект манипулирования внешних интересов, чуждой политической воли.

Соответственно, социально-политические коммуникации используются всё чаще не столько для информирования, сколько для информационного воздействия, манипулирования человеком и культурно-цивилизационным миром, огрубляя и искажая смысл происходящего. При этом «освобождая» самих создателей институциональных новаций от

добросовестности и ответственности за выдаваемую продукцию, СМИ содействуют массовому мифотворчеству» [24, с. 95].

В частности, ни один ценностно-смысловой комплекс при свойственном постмодерну разнообразии моделей социокультурного антропогенеза не может рассматриваться как единственно приемлемый для человечества. Подходы (пост)модерна связаны не с попытками навязать свою модель социогенеза (как при модерне), а с согласием на развёртывание особенностей ценностно-смысловых комплексов различных культурно-цивилизационных миров. Новая парадигма – это жажда свободы (хоть не всегда – способность к свободе, отсюда и опасность тотальной маргинализации общества). Переход к основаниям свободы есть одновременно и отказ от единственности базиса, и утверждение всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Исчезает понятие периферийности той или иной культуры: все – равноценны и равноправны. Гуманность, человечность признаются выше всех и любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в данном направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном собственных моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор, пока не покушаются на выбор других. В этой связи и содержание понятий «развитие», «прогресс», «социогенез» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как справедливость, свобода выбора, терпимость.

Одновременно страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства. Предпосылкой для этого выступает слом административно-бюрократического панциря, преодоление милитаристского окостенения, глубокие демократические преобразования, позволяющие широким кругам народа участвовать в выработке общественно значимых решений, в развитии и осуществлении гражданами своих дарований при формировании государственной политики. Важным оказывается умение государства удерживать баланс решений между интересами экономически «сильных» и «слабых», лидеров и аутсайдеров, готовность предотвращать произвол и ошибки своих представителей и создавать среду, поддерживающую позитивные инновации и предупреждающую негативные. Это, собственно, и характеризует формирование собственной модели успеха

как обновление общественного каркаса реализации базовых ценностно-смысловых комплексов нашего культурно-цивилизационного мира. Можно констатировать, что появление «турбулентных завихрений» в истории, революций, объективно, как объективны и реформы. Другое дело, что качество самого духа революционности как локомотива истории давно перешло к отношениям другого плана, и попытки диктатуры любой группы в среднеразвитом обществе становятся регрессивными, контрпродуктивными.

Так реализуется соотношение устойчивости и изменчивости, цивилизации и личности. Освоение (в том числе средствами социального и политического мифотворчества) объектов прошлой деятельности становится и освоением социокультурного поля в целом, приращением всей социокультурной ткани ойкумены. Данный процесс волнообразного (спиралевидного) развития социальности – суть процесса развёртывания циклов развития культурно-цивилизационных миров. Причём если в привычном варианте реализация ценностно-смысловых комплексов осуществлялась в модели заведомо целостной социокультурной системы, то формирующаяся мультикультурная несистемная социальная целостность – объект конгломератный, мозаичный. Первая конституировалась социально-личным началом, вторая организуется индивидуально-психологическим уровнем. Первая допускала приоритет иерархичных организаций и неравенство разных частей, вторая предполагает нормативность равенства элементов и гармонии, отсутствие предварительно установленного масштаба и шаблона. Если социальная система завершает историю социально-личной эпохи, то несистемная социальная общность открывает эпоху индивидуально-психологического развития. Социальная система становится особым типом системного объекта, образованным не атомами-ингредиентами, а социальными связями. Однако в настоящее время эти отличия не абсолютны; в период трансформации общества их черты налагаются и пересекаются. Соответственно, желание отстоять свой общественный уклад выступает мощным стимулом (пост)глобального сепаратизма.

Процесс общественных трансформаций переносит исторические акценты от модели социально-экономической системы, формирующей национальные государства, к социокультурной целостности, тяготеющей к децентрализованному объединению. Соответствующим образом трансформируется и историческая продуктивность социальных образований, меняется эффективность признаков открытых и закрытых образований. Культура создается уже не для узкого верхушечного слоя общества, а для всех. В ней формируются возможность и множества своих

локальных пространств и самых разнообразных контактов и пересечений. Объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик: новая эпоха создает культурные миры, где есть место всем. Творчество становится не только идеально всеобщим, но и реально всеобщим фактором общественных трансформаций. При этом обеспечивается ресурсный потенциал диапазона более гибких и мягких реакций на наличие аномальных социально-экономических явлений и периферийных культур. Закрепляются принципиально разнородные структуры. Многие же социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и уходящих фактов. А внутренние ценности и глубоко индивидуальные смыслы, подходы и взгляды численно меньших групп могут в данный момент приобретать дополнительное звучание на макроуровнях общества, а то и агрессивно навязываться всей ойкумене. Соответственно, ныне ресурсная база эволюционных и революционных измерений исторического процесса, проведения трансформаций и обеспечения общественной стабильности изменилась. Мультикультурная основа ложится в основу и новых моделей глобального управления, формируя отторжение попыток принуждения, культуртрегерства, навязывания своих стереотипов, формирования матрицы социально-политических взглядов.

Таким образом, базовые ценностно-смысловые комплексы занимают существенное место в формировании и распространении ведущих мифов культурно-цивилизационного мира.

Базовые ценностно-смысловые комплексы участвуют в создании определяющих общественных установок, выстраивающих под себя мировосприятие и отношение к поступающей информации.

Сохранение и формообразование ценностно-смысловых комплексов (в частности, в процессах общественного мифотворчества) являются важнейшей составной частью сохранения своей идентичности.

От доминирующих ценностно-смысловых комплексов и мифов во многом зависит вектор трансформаций общества, организационно оформленный в вереницу Сверхпроектов развития культурно-цивилизационного мира.

Тенденции появления т. н. «умного общества» отнюдь не предотвращают его от манипулируемости. Более того, склонная к переоценке своих способностей «умная толпа» легко поддается на воздействие при опоре на существенные для неё факторы.

Забываясь о сохранении своей идентичности культурно-цивилизационные миры не могут себе позволить игнорировать растущее информационное давление со стороны глобальных СМИ.

Возможности опоры на базовые ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира входят в арсенал средств не только обеспечения контрманипулятивных практик, но и очередного Сверхпроекта развития в совокупности мер рефлексивной постмодернизации.

Для использования постсовременных ресурсно-методологических баз проведения рефлексивной модернизации необходима адекватная трансформация организационно-управленческих практик.

Дальнейшее научное освоение этого направления связано с характеристикой корреляции геостратегического значения общественного мифотворчества с характером средств информационной инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдеев Р.Ф. *Философия информационной цивилизации* / Р.Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Капустин Б. *Критика политической философии. Избр. эссе* / Б. Капустин. – М. : Издательский дом «Территория будущего»; Университетская библиотека Александра Погорельского, 2008. – 424 с.
3. Межуев В.М. *История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования* / В.М. Межуев. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 440 с.
4. Лёгонький Ю. *Мир как культура. Культура как мир (очерки дифференциальной культурологии)* / Ю. Лёгонький. – К. : НПУ им. М.П. Драгоманова, 2012. – 488 с.
5. Ерасов Б.С. *Цивилизации: Универсалии и самобытность* / Б.С. Ерасов. – М. : Наука, 2002. – 524 с.
6. Хевеши М.А. *Социально-психологические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы* / М.А. Хевеши // *Философские науки*. – 2001. – № 2. – С. 5–17.
7. Богданов К.А. *Повседневность и мифология: исследование по семиотике фольклорной действительности* / К.А. Богданов. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – 437 с.
8. Цораев З.У. *Мифический смысл и социальный код* / З.У. Цораев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 270 с.
9. Кайуа Р. *Миф и человек. Человек и сакральное* / Р. Кайуа. – М. : ОГИ, 2003. – 296 с.
10. Гриненко Г.В. *Сакральные тексты и сакральная коммуникация* / Г.В. Гриненко. – М. : Новый век, 2000. – 448 с.
11. Сєрова Ю.В. *Соціальна міфотворчість як невід'ємний механізм функціонування суспільства* / Ю.В. Сєрова, В.М. Скалацький // *Гілея*. – 2012. – Вип. 67. – С. 226–231.
12. Флад К. *Политический миф. Теоретическое исследование* / К. Флад. – М. : Прогресс – Традиция, 2004. – 263 с.
13. Кольев А. *Политическая мифология: Реализация социального опыта* / А. Кольев. – М. : Логос, 2003. – 384 с.
14. Щедрін А.Т. *«Вторинна» міфотворчість як соціокультурний феномен (проблеми релігієзнавчо-культурологічного аналізу)* / А.Т. Щедрін. – Х. : ХДАК, 2007. – 430 с.
15. Шедяков В.Е. *Мифы межвременья: записки макроэкономиста* / В.Е. Шедяков // *Газета*. – 1994. – Июль. – № 16. – С. 4.
16. Шедяков В.Е. *Грёзы дремлющей Европы* / В.Е. Шедяков // *Бизнес Информ*. – 1995. – № 13–14. – С. 8–10.
17. Мирошников Ю.И. *Аксиологическая структура социокультурной коммуникации* / Ю.И. Мирошников. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 113 с.
18. Моль А. *Социодинамика культуры* / А. Моль. – М. : Прогресс, 1973. – 406 с.
19. Фромм Э. *Бегство от свободы* / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.
20. Левинас Э. *Трудная свобода* / Э. Левинас. – М. : РОССПЭН, 2004. – 752 с.
21. Рейнгольд Г. *Умная толпа: новая социальная революция* / Г. Рейнгольд. – М. : ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
22. Шедяков В.Є. *Використання діапазону можливостей інформаційного простору при створенні умов переходу до нового Модерну* / В.Є. Шедяков // *Вісник Одеського національного ун-ту*. – 2011. – Т. 16. – Вип. 10 «Соціологія і політичні науки». – С. 119–129.
23. Шедяков В.Е. *Люди и символы* / В.Е. Шедяков // *Журналист*. – 1998. – № 25. – С. 3.
24. Галлямова Р.З. *Институциональные изменения в содержании социальной ответственности современного человека* / Р.З. Галлямова // *ВУЗ. XXI век*. – 2013. – № 2. – С. 88–103.
25. Левенець Ю. *Роль національного міфу у відродженні національної свідомості українського народу* / Ю. Левенець [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.myth.net.ua/lib/yung4.htm>.